

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА КРЕСТЬЯН МОЖАЙСКОГО УЕЗДА ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Экономическое положение Можайского уезда после войны 1812 года недостаточно изучено в отечественной историографии, хотя отдельные стороны этой темы (состояние дворянских усадеб, хозяйственное положение Можайска, общая экономическая характеристика уезда и т.п.) затрагивалась в исторической литературе¹. Вне поля зрения исследователей оказались вопросы, связанные с послевоенным положением крестьянского хозяйства в помещичьей и государственной деревне Можайского уезда, состоянием земледелия, животноводства и промыслов, разработкой мер властями по стабилизации экономической обстановки.

В основу статьи положены источники, извлеченные из Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ). Используемые документы представлены, прежде всего, делопроизводственными материалами центральных и местных учреждений (предписания, рапорты, донесения), московского военного генерал-губернатора, московского гражданского губернатора, предводителей дворянства Московской губернии и Можайского уезда, Московской казенной палаты и др.

Особую группу документов представляют прошения можайских помещиков, их поверенных, приказчиков, бурмистров, управителей, старост, адресованные в Комиссию «для рассмотрения прошений обывателей г. Москвы и губернии, потерпевших разорение от нашествия неприятеля в 1812 г.» и предводителю можайского уездного дворянства о состоянии собственных владений (выявлено 120 прошений). К сожалению, информация в указанных источниках нередко носит фрагментарный характер, суммарно затрагивая как помещичье, так и крестьянское хозяйство. Следует указать и на недостаточную сохранность этого вида документа (не обнаружены, в частности, прошения по именам Е.П. Савеловой, Д.Н. Дятлова, П.И. Голохвастова, Д.П. Савелова, располагавшиеся на территории Бородинского поля)².

Немаловажное место занимают статистические источники - ведомости, реестры, перечни, содержащие данные о количестве сожженных и вновь построенных домов крестьян, о размерах денежных сумм, выданных в качестве пособия для сельских жителей и помещиков (выявлено 13 ведомостей).

Сбор материалов о состоянии Можайского уезда после французской оккупации начался сразу же после ухода неприятеля из России. В январе 1813 г. на имя можайского уездного предводителя дворянства поступает указание от московского гражданского губернатора А. Долгорукова о предоставлении сведений «о таковых помещиках, кои не имеют никаких средств к поправлению своего состояния и крестьян»³. Сведения собирались в экстремальных условиях послевоенного времени, когда экономика Можайского уезда находилась в состоянии разрухи и упадка. Подобная обстановка не могла не сказаться и на качестве передаваемых сведений с мест в Москву. В документах встречаются фактические ошибки, неточности, противоречия, неполнота данных. Не случайны московский гражданский губернатор А. Долгоруков в своем рапорте от 5 ноября 1816 г. московскому военному генерал-губернатору графу А.П. Тормасову особо акцентировал внимание на том, что представленные ведомости не содержат «от земских судов верных сведений о числе дворов, обстроенных в полной мере и не обстроенных, с показанием, какое число дворов за убылью душ или по другим причинам вовсе строиться не будут, которые имеют разность с прежним, но кои земские суды удостоверяют совершенное сходство с настоящим положением»⁴.

Источники, взятые в совокупности, позволяют представить реальную картину экономического состояния помещичьих и государственных крестьян после войны 1812 года.

Судя по документам, война нанесла Можайскому уезду ощутимый ущерб: была разрушена местная промышленность и транспортная сеть, резко сократилась численность скота, значительно уменьшилась посевная площадь, тысячи крестьян остались без жилья, наблюдался массовый отток населения в более безопасные места, происходит заметное ухудшение материального положения селян и горожан. Можайский уезд оказался в жесточайшем экономическом, продовольственном и демографическом кризисе. Очевидец событий того времени фон Мегден рассказывал автору «Записок» Н.Н. Муравьеву о том, что «окрестные лежащие селения были разорены». А другой очевидец - Толстой заметил Н.Н. Муравьеву: «...в 1813 году некому засеять Бородинское поле, что ни одного зерна не было брошено в землю... Окрестные селения в нищете и живут мирскими подаяниями»⁵.

Восстановлению экономических и торговых связей в уезде мешала разрушенная транспортная сеть дорог и мостов. 13 февраля 1813 г. можайский земский исправник докладывал предводителю уездного дворянства о том, что «мосты по всем большим дорогам во время неприятельского нашествия все сожжены». По информации инженер-подполковника фон Лауфенберга, на Смоленской дороге, проходящей по Можайскому уезду, необходимо построить и отремонтировать мосты: «...17. Не доезжая реки Ведомки. 18. На речке Ведомке. 19. Не доезжая города Можайска, через трубу. 20. Перед городом, через овраг. 21 и 22. При селе Бородине, через речки Колочу и Войну. 23. На ручейке Безымянном. 24-25. За деревнею Валуево. 26. Не доезжая границы губернии две проточные трубы»⁶. Сведения аналогичного содержания, но с указанием длины и ширины мостов, приводит можайский предводитель дворянства в рапорте от 13 февраля 1813 г. московскому гражданскому губернатору. По его данным, необходимо построить и восстановить 32 больших и малых мостов, общая протяженность которых составляет 92 сажени. Так, длина моста через р. Колочь составляла 24 сажени, через р. Войну - 5 сажений, р. Ведомку - 5 сажений⁷.

Однако в условиях разорения и обнищания значительной части населения Можайского уезда перед местными властями довольно остро стоял вопрос об оперативном восстановлении мостов и проведении дорожных работ. По этому поводу можайский земский исправник 8 февраля 1813 г. писал московскому гражданскому губернатору: «Во время нахождения неприятельских войск в Можайской округе в селениях по большим дорогам села и мосты сожжены, обывателям по причине их разорения исправить оныя, большей частью и жительством там не находящимся, не в состоянии». Власти решили дорожные и строительные работы возложить «на крестьян других кварталов, кои во время нашествия неприятельского, остались не разоренными»⁸.

Положение населения Можайского уезда усугубилось распространением среди них эпидемиями и болезнями. Фон Мегден отмечал, что от разлагающихся трупов людей и животных на Бородинском поле «зараза распространялась во всех окрестных селениях, от чего померло много жителей». А можайский лекарь А. Ловецкий указывал в 1813 г., что местное население болеет «большой частью лихорадкой»⁹. Антисанитарное положение усугублялось и тем, что из-за нехватки рабочей силы медленно осуществлялся вывоз трупов с мест сражения, и прежде всего с Бородинского поля. Ответственные за реализацию этих работ постоянно сообщали властям о том, что «по причине разорения, болезни, умерших и отлучившихся... назначенного числа рабочих людей выслать не могут»¹⁰.

Все эти обстоятельства еще более ухудшали и без того тяжелое положение жителей Можайского уезда. 20 марта 1813 г. Можайский земский суд направляет уездному предводителю дворянства полковнику А.И. Остафьеву ведомость «о претерпевших наиболее от неприятеля разорения в

помещичьих селениях с показанием семейств». Выясняется, что 54 помещика в своих имениях насчитывали 1850 разоренных семейств крестьян. По ведомости 1813 г. «о сожженных неприятелем помещичьих сел и деревень», по Можайскому уезду указывается 1922 сгоревших дома с хозяйственными постройками (амбары, сараи, клети, овины), в которых проживало до 11 тыс. крестьян¹¹. По далеко не полным данным только в окрестностях Бородинского поля, где происходило генеральное сражение, было сожжено не менее 300 крестьянских дворов. Коллежский асессор П.А. Замятин сообщал, что его селения Валуево и Беззубово, расположенные недалеко, «где было главное сражение и по нашествию неприятеля все без остатку сожжено и разграблено». Аналогичную информацию приводит помещица сельца Псарево Е.Я. Астафьева, замечая, что при «нашествии неприятеля в сельце Псарево, состоящее вблизи села Бородино, все без остатку сожжено и разграблено, а скот угнан»¹². Особенно значительный урон был нанесен владельцам селений Бородино (сожжено не менее 24 дворов), Елань (27 дворов), Старое (17), Горок (17), Семеновское, Утица (9), Артемки (17), Маслово (10), Новое (11), Шевардино, (12), Фомкино (16), Тата-риново (6) и др. В прошениях помещиков часто упоминаются такие выражения, как «все сожжено», «все дома сожжены», «неприятелем сожжено», «сожжено все без остатку». А Л.И. Назарова с горечью констатирует, что ее сельцо Язево «сожжено и превращено в пепел»¹³.

Ощутимые разорения понесли крестьяне помещиков А.И. Анненковой (сожжено 68 дворов), графа Л.К. Разумовского (с. Болычево, 118 дворов), В.Д. Камынина (с. Тесово, 229 домов), бригадира П.А. Волконского (с. Горетово, 129 дворов).

Тысячи сельских жителей, лишенных крова, ходили по территории Можайского уезда в поисках жилья и пищи. Как сообщал подпоручик В.А. Богданов, его крепостные сельца Елево «живут в оставшемся скотном дворе», крестьяне с. Болычево графа Л.К. Разумовского были размещены «по оставшимся не сожженным дворам, а жители с. Старое владельцев Д.И. Остафьева и Ф.С. Булгакова расположились в господских домах. В других случаях погорельцам предоставляли помещичьи флигеля, избы дворовых людей, амбары; часть селян строила для себя шалаши и землянки»¹⁴.

Всеобщее бедствие объединяло крестьян различных вотчин, наблюдается стремление оказать друг другу помощь и поддержать в трудное время. Так, полковник П.Д. Березников сообщает властям о том, что его крепостные с. Еманово «жительство имеют в соседних помещичьих селениях». Подобная информация приводится в прошениях П.С. Шахматова («Крестьяне жительство имеют и поныне в оном сельце Псарево в домах у крестьян других помещиков»). Аналогичную помощь получили жители д. Ивановской подпоручика И.Ф. Зенбулатова¹⁵.

В поисках пропитания владельческие крестьяне уходят в другие уезды: Медынский, Владимирский, Тверской, Галичский. Нередко помещики или их управители сообщали властям об отходе селян в «хлебные края» (имения М.И.Шахматовой, И.П.Аникеева). В 16 прошениях зафиксировано, что крестьяне «питаются мирским подаянием»¹⁶.

Как свидетельствуют документы, французские солдаты изымали крестьянское зерно и продовольствие, угоняли рабочий и рогатый скот, птицу, грабили имущество («разграблено их имущество, хлеб, и сено, и угнаны неприятелем лошади и скот, истреблена птица», «лошадей, коров и птицы за разграблением неприятеля не имеется»). Бедственное положение, например, сложилось в сельце Прудовое, владелец которого А.Ф. Озеров пишет властям: «В котором нашествии неприятеля у меня, так и дворовых людей и крестьян разграблен хлеб, а в полях потравлен, потолочен, скот их неприятелем угнан, а птица увезена»¹⁷.

Особенно тяжелое положение сложилось с крестьянскими запасами хлеба. В прошениях помещиков часто сообщалось о том, что «хлеб неприятелем разграблен», «хлеба осталось малое число», «хлеб и все неприятелем разграблено», «хлеб неприятелем вывезен». Так, в сельце Княжево (владение А.Н. Урусова) было вывезено 150 четвертей ржи, 184

четверти овса, 118 четвертей ячменя, 40 четвертей пшеницы, 38 четвертей гречи, 34 четверти гороха, 12 пудов льна, пять пудов пеньки. Подверглись разграблению хлебные запасные магазины в имениях А.Н. Урусова (сельцо Княжево), Озеровых (сельцо Шумо-во), П.Д. Березникова (сельцо Еманово)¹⁸.

В условиях военного и послевоенного времени продовольственная и зерновая проблема обострялась резким сокращением в Можайском уезде сбора урожая 1812 г. Об этом свидетельствуют многочисленные сообщения, поступающие с мест в московскую администрацию. Можайские помещики сообщают властям о том, что «неприятели. хлеб в полях потравили и потолкли» (владение П.Ф. Озерова в сельце Шумово), «за скоростью наступления неприятеля [хлеб] не жат» (владение П.С. Крымовой в сельце Рубцово), «[хлеб] с полей не убран и весь потолочен» (владение Д.В. Давыдова в сельце Фомкино), «неприятельским войском [хлеб] потоптан» (владение П.Н. Остафьева в с. Татарово), «яровой весь остался и пропал на полях» (владение П.Д. Березникова в с. Еманово). Бедственное положение с обеспечением крестьян зерном наблюдалось в имениях А.Ф. Белого в сельце Псареве («[хлеб] в полях смят и вытравлен неприятельским войском», П.А. Хованского в с. Хорошилово («ярового ж хлеба на посев не имеется, поскольку весь оный на полях потоптан и разграблен неприятелем»). Подобная ситуация складывалась в сельце Голышкино помещика Г.И. Никулина («хлеб ржаной и яровой затоптан»), в сельце Лыт-кино титулярного советника М.А. Чирикова («яровой остался на корню»), в сельце Сабалкино подпоручика П. Ларионова («яровой хлеб остался на корню, а озимого по случаю неприятеля не посеяно»)¹⁹.

Отсутствие семенного фонда отрицательно сказалось на подготовке крестьян к озимым и яровым посевам. Нами подсчитано, что из 86 прошений помещиков, в которых сообщалось о состоянии посевной площади, в 59 (68,6%) прошениях указано на отсутствие высева озимых хлебов или их частичный засев. В отдельных имениях масштабы незасеянных полей были довольно значительными. Например, в с. Большче-во (владение графа Л.К. Разумовского) незасеянным оставался озимый клин площадью в 781 дес. Но даже в условиях высева озимого клина не было гарантии получения урожая в 1813 г. Так, по имени князя Г.С. Волконского, в д. Кожухово «поля озимым хлебом обсеяны, но армиями истоптан и ко всходу его надежды нет». А староста с. Бородино (владение А.В. Давыдовой) сообщал: «Поля господские обсеяны все, а крестьянские половинную часть. Но так как в наших дачах было главное сражение, а потому ж весь хлеб бит и всходу ожидать не можно»²⁰.

Особенно тяжелое положение сложилось с семенным фондом ярового хлеба. В 62 (71,9%) прошениях помещики указывали на отсутствие яровых семян для посева («яровых семян нет», «семян ярового хлеба иметь не могут», «ярового на семян ничего не осталось», «ярового нет на семена за разграблением неприятелем»)²¹.

В условиях военного времени в Можайском уезде большой ущерб был нанесен животноводству. В 75% прошений помещиков указывалось на разграбление французскими солдатами рабочего, рогатого и мелкого скота, птицы («скота, птицы все без остатку лишились», «мелкий скот, как-то: овцы и свиньи все неприятелем угнано», «часть рогатого и мелкий скот неприятелем угнан», «скот рогатый и крупный и мелкий весь неприятелем разграблен»). В частности, А.И. Остафьев доносил, что в его сельце Шустиково «лошади, рогатой скот. как мой, так и крестьян моих все без остатку неприятелем изгнан, також и птица вся истреблена». В свою очередь, подпоручик Г. Панкратов заявлял, что в сельце Зубово «лошадей, рогатого скота как господского, так и крестьянского ничего не осталось, а весь отбит неприятелем». Ощутимые потери, например, понесли крестьяне д. Митьково. Как сообщал их владелец И.А. Григорович, «неприятельские» солдаты изъяли 37 лошадей, 87 коров и 255 овец и свиней. В с. Большчево (владение графа Л.К. Разумовского) было угнано 580 лошадей, 1139 коров, 2093 овец и свиней²².

Особенно значительный урон в скотоводстве понесли жители тех селений, которые располагались на Бородинском поле. Так, в сельце Фомкино (владение майора Д.В. Давыдова) «неприятельскими войсками» было угнано 80 коров и 100 овец. Действительный статский советник И.Г. Воейков сообщал, что в сельце Алексино «лошади и рогатый скот неприятелем весь угнан и домашние запасы со всем имуществом разграблены». В с. Бородино помещицы А.В. Давыдовой «лошади и рогатый скот неприятелем отбиты». Схожая драматическая картина с обеспечением селян скотом складывалась в сельце Беззубово («скот, птицы всего без остатку лишались» и сельце Псареве («лошади, рогатой и мелкий скот и птица угнаны»)²³.

Французские солдаты ничем не брезговали, изымая у крестьян одежду, изделия домашнего обихода, утварь. Так, у жителей сельца Княжево было «разграблено пожитков»: 15 тулупов, 18 балахонов, 73 овчины, 445 аршин льняного холста, 530 аршин посконного холста, 38 платков, 27 телег²⁴.

После войны 1812 года сельское хозяйство Можайского уезда испытывало значительные трудности в рабочей силе. Около 2 тыс. крестьян Можайского уезда были отправлены в Московское ополчение, половина из которых так и не вернулась домой. Тысячи крестьян, лишённые крова, покинули разорённые селения, превратившись по существу в беженцев.

Часть крестьян была убита французскими солдатами, а также умерла от голода и болезней. Прапорщик М.И. Озеров сообщал, что в его сельце Сакольниково «застрелено неприятелем, да еще от нашествия неприятеля и после. умерло от болезней и побоев ревизских мужеска полу 14 душ, женска - 24 души». Капитан И.А. Григорович информировал власти о том, что в его д. Митьково «в течение беспокойного времени умерло мужеска пола 23, женска пола 21 душа». В сельце Язеве (владение Л.И. Назаровой) в период французской оккупации умерло 23 мужчины и 20 женщин. И.И. Озеров, владелец сельца Каржени, доносил, что «от неприятельских изнурений, побой, голоду и болезней умерло 28 душ мужеска и женска 26 душ». А в с. Опарино прапорщицы А.А. Микулиной «крестьянин с женой неприятелем убиты»²⁵.

В условиях послевоенной разрухи, голода и эпидемий центральные и местные власти разрабатывают и принимают срочные меры по смягчению сложившейся обстановки. В 1816 г. Московская казенная палата подготовила справку о расходе денежных средств по Московской губернии для ликвидации последствий войны. На «пропитание и обсев полей» по Московскому, Рузскому, Звенигородскому, Можайскому и Верейскому уездам было выделено 1 193 675 руб., а на строительство и восстановление жилого фонда - 269 030 руб. Кроме того, были отменены сборы подушной подати за вторую половину 1812 г. и за весь 1813 г., а также сняты все недоимки по ним (составили 1 421 700 руб.); крестьяне освобождались от рекрутских сборов 83-го и 84-го наборов (должны были поставить 1736 рекрутов). Для облегчения материального положения населения власти объявили о покупке «отбитого и растерянного неприятелем по дорогам оружия». За артиллерийское орудие выдавали по 50 руб., за ружье и пару пистолетов - по 5 руб. В 1813 г. создается специальная Комиссия для рассмотрения прошений от жителей Москвы и Московской губернии, «потерпевших разорение от нашествия неприятеля». Источником существования крестьян Можайского уезда становилось их участие в захоронении трупов с Бородинского поля. В этой работе участвовали сотни жителей уезда, получая в день по 50 коп. и две чарки водки²⁶.

В экстренном порядке 28 января 1813 г. московский гражданский губернатор Н.В. Обресков направляет московскому губернскому предводителю дворянства В.Д. Арсеньеву предписание с требованием, чтобы «к прокормлению крестьян помещичьих приняли... меръ». 30 января 1813 г. В.Д. Арсеньев предписывает можайскому уездному предводителю дворянства А.И. Астафьеву представить ведомости: «1. Сколько... имелось запасных хлебных магазинов, как помещичьих, так и казенных; сколько душ мужского пола, сколько израсходовано, сколько осталось; 2. Чьи крестьяне, каких селений, сколько человек ревизских душ претерпели от неприятеля

разорение, которые не имеют никаких способов к пропитанию своих семейств, где их помещики жительство имеют и возможность крестьянам своим сделать какое пособие или не в силу»²⁷.

Спустя месяц, 28 февраля 1813 г., Н.В. Обресков предписывает В.Д. Арсеневу, «чтобы те из них, кои наиболее в пропитании нуждаются, выдано было на обсев полей их и на продовольствие семейств нужное количество хлеба из уцелевших в Подольской и Серпуховской округах от неприятельского разорения помещичьих магазинов, не касаясь до магазинов, состоящих в казенных селениях». Но раздача зерна ограничивалась определенными условиями: взявшие в ссуду хлеб обязывались подписками «по снятию первой жатвы возратить сполна»²⁸. Но в условиях острой нехватки зерновых запасов, власти вынуждены были на практике перейти на выдачу жителям денежных пособий. Для этих целей в июне 1813 г. из Московской казенной палаты в Можайский уезд было доставлено 139 084 руб. По данным ведомости 1815 г., селянам было выдано 139 540 руб., что составило 34,7% от общей суммы денег, выделенных для Московской губернии. Причем жители обязывались «по истечении трех лет в последующие семь лет» вносить в казну «по равным статьям»²⁹.

Правительство принимает энергичные действия и по восстановлению сожженных крестьянских домов. 31 марта 1816 г. московский военный генерал-губернатор А.П. Тормасов направляет московскому гражданскому губернатору А. Долгорукову предписание, в котором сообщал, что Александр I «высочайше усмотреть соизволил... более 400 деревень после разорения неприятелем причиненного еще не обстроились, что в Можайском уезде до 158 деревень. по сие время не исправлено». Тормасов потребовал, чтобы уездные предводители дворянства «приняли меры к поправлению помещичьих имений»³⁰.

В сохранившейся ведомости 1816 г. по Можайскому уезду числилось 1367 сожженных дворов, 371 двор «совершенно обустроенных», 642 двора «неоконченных в строительстве» и 334 двора «не выстроенных». В этой связи в июне 1816 г. можайские помещики дают местным властям подписки в том, что обязуются «все старание наше употреблять к обустройству нынешним летом принадлежащих нам селений»³¹.

Однако процесс восстановления жилых и хозяйственных построек в уезде затянулся. Это объяснялось дефицитом в строительном материале и его дороговизне, отсутствием денежных средств как у многих помещиков, так и крестьян. Особенно тяжелое положение складывалось в имениях А.И. Анненковой (восстановлено только четыре из 42 сожженных домов), И.П. Аникеева (9 из 27), П.И. Голохвастова (12 из 37), Д.Н. Дятлова (один из 12). Оставались полностью сожженными дворы во владениях Д.П. Савелова (14 домов), П.П. Савелова (77), Е.П. Савелова (77). Материальное положение многих помещиков Можайского уезда было действительно тяжелым. Так, управляющий Хорошиловской вотчиной П.А. Хованского утверждал, что его помещик «от вражеской руки лишен всех доходов, которые единственно состояли от выдаваемых на фабрике сукон» (фабрика была разграблена)³².

В 1817 г. подходил первый срок возвращения помещиками ссудных денег, полученных от государства на восстановления крестьянского хозяйства. 23 марта 1818 г. можайский уездный предводитель дворянства В.Д. Камынин сообщал московскому губернскому предводителю дворянства П.Х. Оболянинову: «Многие помещичьи селения, по не пришествию еще в надлежащее устройство, следующие из означенной полученной в пособие суммы части возратить не в состоянии». Предложение В.Д. Камынина сводилось «к облегчению участи дворян Можайского уезда до крайности отягченных взносом». Однако конкретных рекомендаций от уездного предводителя дворянства не последовало. В этой связи А.П.Тормасов потребовал предоставления конкретных предложений. В декабре 1818 г. на имя П.Х. Оболянинова поступают мотивированные предложения за подписью семи можайских помещиков во главе с уездным предводителем В.Д. Камыниным.

Предлагалось начать погашение ссудных денег с 1819 г. сроком на 14 лет, но без взыскания процентов. При этом дворянство брало на себя обязательство с крестьян «платежа сего не взыскивать, а чинить взнос из своих доходов». 8 января 1819 г. мнение Можайского дворянства было направлено министру финансов Д. Гурьеву. Но министр отклонил эти предложения, оставив в силе семилетний срок погашения ссудных денег³³.

По состоянию на 1820 г. в Можайском уезде числилось шесть помещиков, которые не сумели в срок вернуть денежные пособия. Среди них оказались подпоручик А.М. Протопопов (задолженность составила 560 руб.), А.К. Белавина (4194 руб.), майор Д.П. Савелов (1041 руб.), П.П. Савелов (9015 руб.), П.А. Хованский (6066 руб.) и В.А. Хованский (6042 руб.)³⁴.

Не лучше обстояло хозяйственное положение крестьян государственного и удельного ведомств. О тяжелом положении казенных крестьян Можайского уезда сообщает московский губернский предводитель дворянства в рапорте от 6 февраля 1813 г. московскому гражданскому губернатору Н.В. Обрескову; «Предводитель Можайский Астафьев сказывал мне, что в Можайском уезде большая часть крестьян. экономических. по разорению неприятеля не имеют пропитаний и претерпевают холод и голод, равно большая часть полей озимым хлебом не засеяна, а ярового хлеба для посева никто не имеет»³⁵. 8 мая 1813 г. уездным властям было направлено предписание Н.В. Обрескова о выдаче денежной ссуды казенным крестьянам на покупку продовольствия и семян. По расчетам московской администрации, «на продовольствие причитается по 8 рублей на каждую мужскую и по 8 же рублей женского пола, а на посев на каждую мужского пола душу. по 10 рублей». Списки нуждающихся в помощи должны были утверждаться на волостных сходах, а расход денег - особым приговором схода. Денежная ссуда выдавалась сроком на три года, по истечении которого получивший пособие обязан его вернуть. Волостному голове строго предписывалось «прилежно наблюдать, чтобы всякой из получивших ссуду смог употребить оную точно на предназначенные нужды и дабы ни у кого из таковых поля не засеянными»³⁶.

По Можайскому уезду в 1813 г. были выданы ссуды государственным крестьянам Андреевской, Рейтарской, Заруцкой волостей и Можайской ямской слободе. На пропитание было выдано 38 620 руб., а на посев - 25 220 руб.³⁷

Особое беспокойство у властей вызывало медленное строительство и восстановление сожженных крестьянских построек. По данным ведомости 1818 г. «О числе сожженных, обустроенных в полной мере и несовершенно отстроенных», выясняется, что по государственному ведомству сожженными оказалось 770 (49,5%) дворов, а по удельному - 252 (41,5%) двора. Однако число «выстроенных в полной мере» дворов было крайне недостаточно: среди государственных крестьян - 175 (11,2%) дворов, а удельных - 116 (19,1%) дворов³⁸.

По подсчетам местных властей, в государственном ведомстве в 1816 г. насчитывалось 19 селений, которые «ныне не совсем обустроены», 14 селений, в которых «в заведении хозяйством, хлебом и скотом некоторые семейства не завелись», и два селения (д. Архангельское и Савинов переселок) «сожжены неприятелем и ныне необитаемы»³⁹.

В связи с недостатком строительных материалов в Можайском уезде властные органы принимают меры по выдаче денежных пособий государственным крестьянам для покупки леса. По данным ведомости от 7 апреля 1817 г., на строительство 780 дворов было выделено 62 400 руб. (из расчета по 80 руб. на один двор)⁴⁰. Но выделяемая сумма была недостаточна для восстановления жилых и хозяйственных построек. По этому поводу 18 сентября 1817 г. московский гражданский губернатор Дурасов сообщал А.П. Тормасову, что Можайский земский исправник информировал его о возникающих трудностях при строительстве крестьянских дворов. Исправник сообщал, что «на постройку сожженных неприятелем дворов действительно они (т.е. крестьяне) по 80 рублей на каждой получили, но

таковой суммы к совершенному обустройству весьма недостаточно, ибо по дороговизне в тех местах леса едва можно купить один только сруб, а на постройку дома с нужными к нему принадлежностями требуется не менее 500 рублей». Далее исправник продолжал, что даже для промысловых крестьян «бывший неурожай в 1814 году в хлебе не токмо лишил способов к обустройке, но... привел в совершенную невозможность внести в надлежащий срок государственные подати». Отметим, что в апреле 1813 г. одна сажень трехаршинных дров в Можайске стоила 8 руб. В этой связи Дурасов предлагал для полностью разорившихся крестьян выделять пособие в размере от 100 до 200 руб.⁴¹

В такой тяжелой послевоенной ситуации шло восстановление хозяйства крестьян Можайского уезда. Даже спустя восемь лет после войны, т.е. в начале 1820-х годов, ее последствия еще сказывались на хозяйственном развитии Можайского уезда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Московское дворянство в войне 1812 г. М., 1912; Города Подмосковья. М., 1981. Кн. 3; *Прохоров М.Ф., Пчелов Е.В.* Дворянская усадьба в Отечественной войне 1812 года // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. М., 2003; *Прохоров М.Ф.* Можайск после Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2006.

² Подробно об этой разновидности источников см.: *Прохоров М.Ф., Пчелов Е.В.* Указ. соч. С. 310-314.

³ ЦИАМ. Ф. 392. Оп. 1. №7. Л. 58 об.

⁴ Там же. Ф. 16. Оп. 30. №206. Л. 1.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. №28. Л. 40-42; Рус. архив. 1885. Кн.11. С. 405-406.

⁶ ЦИАМ. Ф. 392. Оп. 1. №4. Л. 1-2 об.

⁷ Там же. №7. Л. 34.

⁸ Там же. №4. Л. 2 об.

⁹ Там же. №7. Л. 61, 64; ОПИ ГИМ. Ф. 134. Оп. 1. №28. Л. 40-42.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 392. Оп.1. №7. Л. 2-3.

¹¹ Там же. №5. Л. 106-110 об.; Московское дворянство... С. 460-464

(под-
счет наш).

¹² ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. №44. Л. 1-1 об.; Ф. 51. Оп. 17. №296. Л. 1-2.

¹³ Там же. Ф. 392. Оп. 1. №5. Л. 58-59.

¹⁴ Там же. Л. 42, 52, 53.

¹⁵ Там же. Л. 8, 142.

¹⁶ Там же. Л. 9, 52.

¹⁷ Там же. Л. 28, 31.

¹⁸ Там же. Ф. 20. Оп. 2. №59. Л. 1-4; №901. Л. 1-3; Ф. 51. Оп. 17. №246. Л. 1-2; №553. Л. 1-2.

¹⁹ Там же. Ф. 20. Оп. 2. №30. Л. 3-4; Ф. 392. Оп. 1. №5. Л. 3-3 об., 6, 24, 47,

84-85 об., 87, 148, 155-159.

²⁰ Там же. Ф. 392. Оп. 1. №5. Л. 29, 44.

²¹ Там же. Ф. 51. Оп. 17. №552. Л. 1-2; Ф. 392. Оп. 1. №5. Л. 5, 7, 29, 38.

²² Там же. Ф. 20. Оп. 2. №36. Л. 1-3; №291. Л. 13; Ф. 51. Оп. 17. №296. Л. 1-2; №553. Л. 1; Ф. 392. Оп. 1. №5. Л. 4, 35, 37, 44, 48.

²³ Там же. Ф. 51. Оп. 17. №296. Л. 1-2; Ф. 392. Оп. 1. №5. Л. 134-135, 144.

²⁴ Там же. Ф. 20. Оп. 2. №59. Л. 1-4.

²⁵ Там же. Ф. 51. Оп. 17. №552. Л. 1-2; Ф. 392. Оп. 1. №5. Л. 37, 47, 58-59, 73-74, 79.

²⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 30. №206. Л. 23-24; ПСЗ. 1-е изд. СПб., 1830. Т. 32. №25273, 25340, 25375, 25671; *Суханов А.А.* Отчеты можайских властей о захоронении на Бородинском поле в 1812-1813 гг. тел павших воинов // Бородинское поле: Музеи и памятники. М., 2005. С. 68.

²⁷ Московское дворянство... С.493.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 1. №4623. Л. 1; Московское дворянство... С. 479-480.

²⁹ Московское дворянство... С. 493.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 29. №257. Ч. 1. Л. 30.

- ³¹ Там же. Л. 50-51; Ф. 392. Оп. 1. №9. Л. 15 об.
- ³² Там же. Ф. 392. Оп. 1. №5. Л. 174; Ф. 394. Оп. 1. №43. Л. 36-43.
- ³³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. №4623. Л. 1-3 об., 11-12 об., 14.
- ³⁴ Там же. Л. 56-58.
- ³⁵ Московское дворянство... С. 478-479.
- ³⁶ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 16. №298. Л. 1-9.
- ³⁷ Там же. Л. 10-49.
- ³⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 30. №206. Л. 2-3.
- ³⁹ Там же. Ф. 392. Оп. 1. №9. Л. 27.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 30. №206. Л. 44.
- ⁴¹ Там же. Л. 54-55 об., 79; Ф. 392. Оп. 1. №7. Л. 34.